

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
9 December 2021
Russian
Original: French

Комитет по правам человека**Соображения, принятые Комитетом в соответствии
с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола
относительно сообщения № 2835/2016* ** *****

<i>Сообщение представлено:</i>	Эжени Шакупева и др. (представлены адвокатом организации «ТРИАЛ Интернэшнл»)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Демократическая Республика Конго
<i>Дата сообщения:</i>	26 июля 2016 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 25 октября 2016 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	25 марта 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	пытки и невыплата назначенной судом компенсации
<i>Процедурные вопросы:</i>	отсутствие сотрудничества со стороны государства-участника
<i>Вопросы существа:</i>	право на эффективное средство правовой защиты; жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание; справедливое судебное разбирательство; гендерная дискриминация
<i>Статьи Пакта:</i>	2 (пп. 1 и 3), 3, 7, 14 (п. 1) и 26

* Приняты Комитетом на его сто тридцать первой сессии (1–26 марта 2021 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махдуб эль-Хайба, Фуруя Сюити, Карлос Гомес Мартинес, Марсия В. Дж. Кран, Фотини Пазардзис, Эрнан Кесада Кабрера, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Чхангрок Сох, Кобойя Чамджа Кпача, Элен Тигруджа, Имэру Тэмэрэт Йыгэзу и Гентян Зюбери.

*** Совместное (согласное) мнение Арифа Балкана и Элен Тигруджи, совместное (частично несогласное) мнение Фуруя Сюити, Фотини Пазардзиса и Васильки Санцин, а также совместное (несогласное) мнение Марсии В. Дж. Кран и Имэру Тэмэрэта Йыгэзу содержатся в приложении к настоящим Соображениям.

Статьи Факультативного протокола: 2, 3 и 5 (п. 2)

1. Авторами сообщения являются граждане Конго Эжени Шакупева 1975 года рождения, Таузи Намбушва Мавазо 1975 года рождения, Фураа Намаинга 1987 года рождения, Кристин Шеканабо Намбусва 1980 года рождения¹, Фатума Сунгунепе 1980 года рождения, Сада Мапендо 1984 года рождения и Катарина Викторина 1977 года рождения. Они утверждают, что являются жертвами нарушения государством-участником их прав, защищаемых статьями 7 и 14 (п. 1), рассматриваемыми отдельно и в совокупности со статьей 2 (п. 3), и статьями 2 (п. 1), 3 и 26 Пакта. Демократическая Республика Конго присоединилась к Факультативному протоколу к Пакту 1 ноября 1976 года. Авторы представлены адвокатом от неправительственной организации «ТРИАЛ Интернэшнл».

Факты в изложении авторов

2.1 Демократические силы освобождения Руанды представляют собой вооруженную группу, состоящую из повстанцев хуту, которые нашли убежище в Демократической Республике Конго после геноцида в Руанде в 1994 году. С тех пор данная вооруженная группа является одним из основных факторов, подрывающих безопасность в восточных провинциях страны: ее члены регулярно проводят военные рейды и совершают многочисленные преступления в отношении гражданского населения. Летом 2009 года конголезское правительство начало военную операцию «Кимиа II» в провинции Южное Киву, чтобы выследить элементы Демократических сил освобождения Руанды, присутствующие в этом регионе. В населенный пункт Муланж был направлен 83-й батальон 8-й пехотной бригады Санжа. 14 августа 2009 года, примерно в 6 часов утра между Демократическими силами освобождения Руанды и Вооруженными силами Демократической Республики Конго начались ожесточенные столкновения, вынудившие местных жителей бежать в соседнюю деревню Мугаджа.

2.2 Через несколько дней, когда их скудные запасы были исчерпаны, многие перемещенные семьи собрались вместе и решили организовать экспедицию в Муланж, чтобы собрать продовольствие с полей и забрать те запасы еды, которые остались в их домах. Авторы находились в составе группы, которая направилась в Муланж за припасами утром 18 августа 2009 года. Прибыв в центр Муланжа, группа разделилась на небольшие подгруппы, которые пошли в разных направлениях. Каждая из семи авторов направилась к своему дому или полю, которое она обрабатывала в окрестностях деревни. Небольшие группы членов вооруженных сил Демократической Республики Конго застали их врасплох в разных местах и, угрожая им своим оружием, схватили их, раздели и принудили к половому сношению. Большинство женщин были изнасилованы несколькими солдатами по очереди.

2.3 Раненые и брошенные на произвол судьбы, некоторые из семи авторов были найдены без сознания их родственниками на месте происшествия, а остальные смогли продолжить путь и самостоятельно вернуться в деревню. В последующие дни в сопровождении родственников и местной неправительственной правозащитной организации все они отправились в медицинский центр в Ндегу, где в течение нескольких дней получали соответствующую помощь. Однако авторы по-прежнему чувствуют боль и страдают от многочисленных физических и психологических последствий насилия, которому они подверглись. Они чувствуют себя уязвимыми и отвергнутыми, учитывая ту дискриминацию и социальную изоляцию, с которыми они столкнулись после этих нападений. Они страдают от серьезной социальной и экономической незащищенности. Из-за стигматизации, которой подвергаются жертвы сексуального насилия в Демократической Республике Конго, некоторые из них

¹ В случае данного автора из-за небезопасной ситуации в регионе (рост преступности, присутствие вооруженных групп), препятствующей поездкам, и отсутствия у автора материальных средств для представления доверенности электронным способом доверенность для «ТРИАЛ Интернэшнл» подписал ее отец Жан Мари Пангузи.

изменили свои имена. Кроме того, в результате изнасилований одна из авторов забеременела, после чего ее бросил муж.

2.4 После того, как об этих преступлениях сообщили старосте их населенного пункта, на следующий день после указанных событий, т. е. 19 августа 2009 года, органами военной прокуратуры было начато расследование. Командир 83-го батальона оказал давление на командиров 3-й роты, которая во время нападений находилась в Муланже, чтобы привлечь к ответственности солдат, участвовавших в нападениях. В результате пятеро из примерно пятнадцати солдат были опознаны и доставлены к следственному судье для проведения очных ставок 11 и 18 июня 2010 года. По завершении этого расследования в гарнизонном военном суде Увиры был начат судебный процесс по обвинению в преступлениях против человечности, заключающихся в массовом изнасиловании, совершенных 18 августа 2009 года и наказуемых в соответствии со статьями 5, 6, 165 и 169 (часть 7) Военного уголовного кодекса и статьей 7 Римского статута Международного уголовного суда. Заседания по этому делу проходили с 11 по 13 октября 2010 года.

2.5 30 октября 2010 года гарнизонный военный суд приговорил пятерых обвиняемых к пожизненным каторжным работам (тюремному заключению) без признания смягчающих обстоятельств за преступление против человечности в форме массового изнасилования по статьям 165 и 169 (часть 7) Военного уголовного кодекса. Кроме того, по гражданскому иску суд счел действительной квалификацию семи авторов в качестве гражданских сторон и обязал ответчиков солидарно с государством-участником выплатить каждой из них 50 000 долларов США в качестве компенсации за весь понесенный ущерб.

2.6 После подачи ответчиками апелляции, 7 ноября 2011 года Военный суд Южного Киву оставил в силе решение суда первой инстанции и решение о возмещении ущерба гражданским сторонам. Поскольку это решение суда обжаловано не было, оно вступило в законную силу.

2.7 Несмотря на окончательный характер приговора, денежная компенсация, назначенная гарнизонным военным судом, в последующие годы не была выплачена. Поэтому с целью получения своей компенсации в 2015 году авторы решили инициировать процедуру исполнительного производства². Постановление, предписывающее приступить к выплате компенсации, причитающейся каждому из авторов во исполнение судебного решения было направлено 7 ноября 2011 года конголезскому государству через губернатора провинции Южное Киву .

2.8 Эти решения потребовалось затем зарегистрировать в Министерстве юстиции и прав человека в Киншасе в июне 2015 года. С этого момента адвокат авторов ежемесячно отслеживал ситуацию в юридической службе вышеупомянутого министерства. В сентябре 2015 года в Киншасе состоялась встреча адвоката с директором юридической службы министерства. В ходе разговора последний сделал вид, что не знал об этом деле, хотя получил соответствующее письмо и судебные решения, о чем свидетельствует расписка о получении корреспонденции. После этого разговора с адвокатом авторов директор юридической службы поручил руководителю юридической службы приступить к проверке почты и решений. Затем последний потребовал представить копии расписки о получении корреспонденции и двух судебных решений, которые уже были представлены 29 июня 2015 года, что свидетельствует о халатности в обращении с корреспонденцией или нежелании принимать меры в связи с полученной корреспонденцией. Копии решений и расписки о получении документов были вновь представлены в сентябре 2015 года. После представления этих документов адвокат авторов снова встретился с директором и руководителем юридической службы. Они дали понять, что реальное решение о выплате назначенной судом компенсации зависит от личного усмотрения министра юстиции. В целях непрерывного и регулярного отслеживания этого дела адвокат

² Согласно статье 109 Уголовно-процессуального кодекса, «исполнение приговора осуществляется по требованию ... гражданской стороны в отношении приговоров, вынесенных по ее иску».

авторов каждые две недели посещал министерство, чтобы осведомиться о ходе процедуры, которая никак существенно не продвинулась.

2.9 До января 2016 года собеседники в Министерстве юстиции просили авторов дожидаться утверждения государственного бюджета на 2016 год, после чего компенсация могла бы быть выплачена. Однако даже после утверждения бюджета Министерство юстиции не санкционировало бюджетные выплаты. На данном этапе стало ясно, что, несмотря на то, что все процедурные требования были выполнены, положительный исход этой процедуры принудительного исполнения в основном зависит от политической воли и остается на усмотрение правительства. Столкнувшись с такой ситуацией бессилия и процедурного тупика, авторы решили сообщить о ней, обратившись с письмами от 10 ноября 2015 года в Национальную комиссию по правам человека и Специальному советнику главы государства по борьбе с сексуальным насилием. Однако никаких действий в связи с этими обращениями предпринято не было, и процедура по-прежнему не сдвинулась с мертвой точки.

Жалоба

3.1 Авторы заявляют о нарушении государством-участником статьи 7 и 14 (п. 1), рассматриваемых отдельно и в совокупности со статьей 2 (п. 3), а также статей 2 (п. 1), 3 и 26 Пакта. Они требуют соответствующего возмещения ущерба, в частности исполнения решения Военного суда Южного Киву от 7 ноября 2011 года, а также предоставления бесплатной медицинской помощи и психологической реабилитации и принятия мер по социальной и экономической реинтеграции.

3.2 Авторы подверглись особо тяжким сексуальным нападениям, включая изнасилование, со стороны представителей государства, а именно военнослужащих конголезской армии (Вооруженные силы Демократической Республики Конго), под предлогом того, что они были женщинами из числа Демократических сил освобождения Руанды. Они утверждают, что в своей правовой практике Комитет признал, что изнасилование и другие формы сексуального насилия являются нарушением статьи 7 Пакта³. В данном случае авторы считают, что государство-участник несет ответственность за длящееся нарушение статьи 7 Пакта, поскольку, несмотря на различные действия, предпринятые конголезскими судебными органами для проведения эффективного расследования и наказания совершивших эти преступления лиц, жертвы так и не добились выплаты компенсации за совершенные преступления. Поскольку компенсация считается одним из средств, предусмотренных Комитетом для выполнения обязательства по предупреждению пыток, авторы утверждают, что государство-участник нарушило статью 7 Пакта.

3.3 Авторы утверждают также, что в случае любых заявлений о серьезных нарушениях государства-участники обязаны предоставить эффективное средство правовой защиты тем лицам, чьи права, защищаемые Пактом, были нарушены, в том числе выполнять решения, обеспечивающие такое средство правовой защиты, и, в частности, обязательство предоставить соответствующее возмещение⁴. Они утверждают, что Комитет подтвердил, что если государство не выполняет свое обязательство по предоставлению возмещения в виде компенсации жертвам серьезных нарушений прав человека, то оно нарушает свое обязательство по предоставлению эффективного средства правовой защиты⁵. Авторы считают, что обязательство предоставить эффективное средство правовой защиты в соответствии со статьей 2 (п. 3) Пакта включает обязательство государства обеспечить жертве эффективное возмещение ущерба. Следовательно, несоблюдение государством-участником этого обязательства в связи с совершенными в отношении авторов преступлениями пытки означает нарушение статьи 2 (п. 3) Пакта, рассматриваемой в совокупности со статьей 7.

³ См., например, *Мехалли и др. против Алжира* (CCPR/C/110/D/1900/2009), п. 7.10.

⁴ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 31 (2004), п. 16.

⁵ *Хорват против Австралии* (CCPR/C/110/D/1885/2009), пп. 8.4–8.6.

3.4 Кроме того, авторы утверждают, что государство-участник нарушило их право на справедливое судебное разбирательство, не выполнив решение военного суда Южного Киву в отношении денежной компенсации, в нарушение статьи 14 (п. 1), рассматриваемой отдельно и в совокупности с позитивными обязательствами по статье 2 (п. 3) Пакта⁶. Авторы поясняют, что группа экспертов, уполномоченная Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по правам человека изучить функционирование средств правовой защиты и возмещения ущерба, доступных жертвам сексуального насилия в Демократической Республике Конго, пришла к выводу о том, что когда речь идет о «жертвах сексуального насилия, которые смогли преодолеть многочисленные трудности, связанные с передачей дела в суд, и добиться осуждения насильника (насильников) и возмещения ущерба в форме компенсации», «даже в тех случаях, когда признана солидарная ответственность государства, компенсация никогда не выплачивается»⁷. Кроме того, в июле 2013 года Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин вновь выразил свою обеспокоенность ограниченным исполнением судебных решений и невыплатой компенсации за акты сексуального насилия, совершенные представителями государства в затронутых конфликтом районах⁸.

3.5 Наконец, авторы ссылаются на свое право не подвергаться дискриминации в соответствии со статьями 2 (п. 1), 3 и 26 Пакта. Комитет уже указывал, что обязательство обеспечить признанные в Пакте права всем лицам требует устранения препятствий для равного пользования этими правами⁹. Применение принципа равенства может вести к принятию государством специальных мер в интересах уязвимых или обездоленных групп¹⁰. Несколько экспертов Организации Объединенных Наций сообщили об особенно тревожной ситуации, связанной с систематизацией насилия в отношении женщин, стигматизацией жертв сексуального насилия в конголезской культуре¹¹ и лишением жертв сексуального насилия права на компенсацию¹². Следовательно, утверждается, что невыплата надлежащей компенсации жертвам сексуального насилия только усугубляет стигматизацию жертв. В этой связи авторы утверждают, что, не выплатив компенсацию за ущерб, назначенную военным судом Южного Киву 7 ноября 2011 года, государство-участник приняло участие в их стигматизации и способствовало ей и, следовательно, нарушило их право не подвергаться дискриминации, что противоречит статьям 2 (п. 1), 3 и 26 Пакта.

Отсутствие сотрудничества со стороны государства-участника

4. 25 октября 2016 года, 25 мая 2018 года и 8 октября 2019 года Комитет просил государство-участник представить свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Комитет сожалеет о том, что государство-участник не представило никакой информации в отношении приемлемости и существа утверждений авторов. Он напоминает, что в соответствии со статьей 4 (п. 2) Факультативного протокола государства-участники обязаны добросовестно изучить все выдвинутые против них обвинения и предоставить Комитету всю имеющуюся в их распоряжении информацию. В отсутствие ответа со стороны государства-участника к

⁶ *Пиментель и др. против Филиппин (CCPR/C/89/D/1320/2004)*, п. 9.2.

⁷ Haut-Commissariat des Nations Unies aux droits de l'homme, *Rapport du Panel à la Haut-Commissaire aux droits de l'homme sur les moyens de recours et de réparation pour les victimes de violences sexuelles en République démocratique du Congo*, mars 2011, p. 58, paragraphe 6 des conclusions.

⁸ CEDAW/C/COD/CO/6-7, п. 9 е).

⁹ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 28 (2000), п. 3.

¹⁰ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 18 (1989), п. 10.

¹¹ См., например, A/HRC/13/63, п. 26.

¹² Mission de l'Organisation des Nations Unies pour la stabilisation en République démocratique du Congo et Haut-Commissariat aux droits de l'homme, «Avancées et obstacles dans la lutte contre l'impunité des violences sexuelles en République démocratique du Congo», avril 2014, par. 57; и Haut-Commissariat aux droits de l'homme, *Rapport du Panel à la Haut-Commissaire aux droits de l'homme sur les moyens de recours et de réparation pour les victimes de violences sexuelles en République démocratique du Congo*, mars 2011, par. 152 et 153.

утверждениям авторов следует отнестись со всей серьезностью в той мере, в которой они являются обоснованными.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

5.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры решить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

5.2 Согласно требованиям статьи 5 (п. 2 а)) Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

5.3 Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что все доступные и эффективные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. Ввиду отсутствия каких-либо возражений со стороны государства-участника Комитет считает, что требования, изложенные в статье 5 (п. 2 b)) Факультативного протокола, выполнены.

5.4 Комитет отмечает, что авторы заявили о дьящемся нарушении статьи 7 Пакта, поскольку государство-участник не выплатило им компенсацию, назначенную национальными судами после признания их жертвами преступления против человечности в форме массового изнасилования. Ввиду окончательного решения национальных судов признать авторов жертвами массового изнасилования¹³, т. е. деяния, однозначно запрещенного статьей 7 Пакта, Комитет отмечает, что гарантии, закрепленные в статье 7, предусматривают не только обязательство провести эффективное расследование, но и предоставить адекватное возмещение¹⁴. Однако, поскольку авторы до сих пор не получили назначенную в судебных решениях компенсацию, они по-прежнему остаются жертвами нарушений статьи 7 Пакта.

5.5 Что касается предполагаемого нарушения статьи 2 (п. 1) Пакта в связи со стигматизацией жертв сексуального насилия в конголезской культуре, то Комитет напоминает о своей правовой практике, согласно которой положения статьи 2 устанавливают общие обязательства для государств-участников и сами по себе не могут служить основанием для отдельной жалобы по Факультативному протоколу, поскольку на них можно ссылаться только в совокупности с другими основными статьями Пакта¹⁵. Таким образом, Комитет заключает, что утверждение авторов о нарушении статьи 2 (п. 1) Пакта является неприемлемым согласно статье 3 Факультативного протокола.

5.6 Вместе с тем Комитет считает, что авторы достаточно обосновали остальные утверждения для целей приемлемости, и переходит к рассмотрению по существу жалоб по статье 7, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 2 (п. 3), статьей 14 (п. 1), рассматриваемой в совокупности со статьей 2 (п. 3), и статьям 3 и 26 Пакта.

Рассмотрение сообщения по существу

6.1 В соответствии с требованиями статьи 5 (п. 1) Факультативного протокола Комитет рассмотрел сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами.

¹³ Постановление Военного суда Южного Киву от 7 ноября 2011 года.

¹⁴ См. в этой связи замечание общего порядка Комитета № 20 (1992), п. 14, и замечание общего порядка Комитета № 31 (2004), п. 16.

¹⁵ См., например, *Х.Е.А.К. против Дании* (CCPR/C/114/D/2343/2014), п. 7.4; *Кастаньеда против Мексики* (CCPR/C/108/D/2202/2012), п. 6.8; *Чх.Х.О. против Канады* (CCPR/C/118/D/2195/2012), п. 9.4; *Пейрано Бассо против Уругвая* (CCPR/C/100/D/1887/2009), п. 9.4; и *А.П. против Украины* (CCPR/C/105/D/1834/2008), п. 8.5.

6.2 Комитет отмечает утверждения авторов о том, что государство-участник нарушило статью 7 Пакта, не выплатив компенсацию, назначенную национальными судами в 2011 году после признания их жертвами массовых изнасилований. Комитет отмечает далее, что в 2015 году авторы инициировали процедуру исполнительного производства по решению о компенсации и вручили государству-участнику соответствующее распоряжение о совершении выплат. Однако по прошествии более пяти лет авторам не было выплачено никакой компенсации. Комитет считает, что невыплата компенсации, несмотря на прямое признание статуса жертвы, снижает воздействие санкций¹⁶, создает ощущение безнаказанности у лиц, обвиняемых в деяниях, нарушающих статью 7 Пакта, и нивелирует сдерживающий эффект уголовно-правовой системы пресечения преступлений, что подрывает веру жертв в эффективность расследования¹⁷. В отсутствие каких-либо опровержений со стороны государства-участника Комитет придает должное значение утверждениям авторов и считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 7, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 2 (п. 3) Пакта.

6.3 Комитет отмечает далее, что, хотя Военный суд Южного Киву подтвердил признание авторам компенсации, до сих пор они не смогли добиться исполнения этого решения. Государство-участник не объяснило, почему спустя более девяти лет после принятого судом решения от 7 ноября 2011 года авторы до сих пор не получили компенсацию. Таким образом, считая, что доступ к суду, предусмотренный статьей 14 (п. 1) Пакта, останется умозрительным, если в ущерб для одной из сторон окончательное и обязательное судебное решение не будет исполнено¹⁸, равно как останется умозрительным применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются, как это предусмотрено в статье 2 (п. 3 с) Пакта, Комитет констатирует, что неисполнение государством-участником вышеупомянутого решения представляет собой нарушение прав, гарантированных авторам статьей 14 (п. 1) в совокупности со статьей 2 (п. 3) Пакта.

6.4 Наконец, Комитет отмечает утверждение авторов о том, что невыплата национальными властями компенсации, назначенной им как жертвам массовых изнасилований, лишь усугубляет систематизацию насилия в отношении женщин и стигматизацию жертв сексуального насилия в конголезской культуре, что противоречит статьям 3 и 26 Пакта. Комитет напоминает, что сексуальное насилие по своей природе затрагивает в первую очередь женщин¹⁹, женщины находятся в особо уязвимом положении во время внутренних и международных вооруженных конфликтов и в такие периоды государства должны принимать все необходимые меры для защиты женщин от изнасилования, похищения и других форм гендерного насилия²⁰. В частности, государства должны обеспечить жертвам сексуального насилия эффективный доступ к правосудию, включая адекватные меры по возмещению ущерба²¹. Эти меры тем более важны в постконфликтных ситуациях²²,

¹⁶ Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 31 (2004), в котором, в частности, отмечается, что статья 2 (п. 3) Пакта требует от государств-участников предоставлять возмещение лицам, чьи права по Пакту были нарушены. Если такое средство правовой защиты не предоставляется, обязательство по предоставлению эффективного средства правовой защиты, которое является условием действенности статьи 2 (п. 3), не является выполненным.

¹⁷ См., например, *Cour européenne des droits de l'homme, Ramsahai et autres c. Pays-Bas*, requête n° 52391/99, arrêt, 15 mai 2007, par. 353.

¹⁸ *Мудоров против Таджикистана (CCPR/C/124/D/2826/2016 и CCPR/C/124/D/2826/2016/Corr.1)*, п. 7.2. См. также. *Cour européenne des droits de l'homme, Hornsby c. Grèce*, requête n° 18357/91, arrêt, 19 mars 1997, par. 40; и *Cour européenne des droits de l'homme, Paudicio c. Italie*, requête n° 77606/01, arrêt, 24 mai 2007, par. 53.

¹⁹ См. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, общая рекомендация № 35 (2017).

²⁰ *Ньяя против Непала (CCPR/C/125/D/2556/2015)*, п. 7.3; и Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 28 (2000), п. 8.

²¹ См. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, общая рекомендация № 35 (2017).

²² См. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, общая рекомендация № 30 (2013).

поскольку они предотвращают повторную виктимизацию жертв массовых изнасилований, как это имеет место в данном случае²³. Учитывая обстоятельства, в которых были совершены массовые изнасилования, жертвами которых стали авторы и которые были квалифицированы национальными судами государства-участника как преступления против человечности, а также полное неисполнение судебных решений о предоставлении компенсации авторам и отсутствие реакции со стороны государства-участника, Комитет считает, что государство-участник усугубило их положение крайней уязвимости, а также ту стигматизацию и маргинализацию, которым они подвергаются как жертвы сексуального насилия²⁴. Более того, отказ государства выплатить компенсацию женщинам, пострадавшим от насилия, может означать негласное разрешение или поощрение таких действий, что усугубляет их уязвимость²⁵. Поэтому Комитет считает, что государство-участник не выполнило свое обязательство по защите авторов от дискриминации по гендерному признаку в соответствии со статьями 3 и 26 Пакта.

7. Комитет, действуя в соответствии со статьей 5 (п. 4) Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 7, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 2 (п. 3), статьи 14, рассматриваемой в совокупности со статьей 2 (п. 3), и статей 3 и 26 Пакта.

8. В соответствии со статьей 2 (п. 3 а)) Пакта государство-участник обязано предоставить авторам эффективное средство правовой защиты. Оно должно предоставить полное возмещение лицам, права которых по Пакту были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано: а) в полной мере привести в исполнение судебное решение, вынесенное 30 октября 2010 года и подтвержденное 7 ноября 2011 года; б) учесть все соответствующие элементы с целью актуализации мер по исполнению решения с учетом сегодняшних обстоятельств, в частности с учетом нанесенного авторам ущерба в результате чрезмерной задержки в предоставлении компенсации; в) принять в отношении авторов надлежащие меры сатисфакции за моральный ущерб, причиненный нарушениями; и д) обеспечить предоставление авторам необходимых и достаточных мер психологической реабилитации и медицинской помощи, а также мер социальной и экономической реинтеграции. Государство-участник обязано также не допускать аналогичных нарушений в будущем.

9. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушения Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязано обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и в случае установления нарушения обеспечить эффективное и имеющее исковую силу средство правовой защиты, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 180-дневный срок информацию о мерах, принятых во исполнение настоящих Соображений. Государству-участнику предлагается также обнародовать их и широко распространить на своих официальных языках.

²³ См., среди прочего, [A/HRC/13/63](#); Mission de l'Organisation des Nations Unies pour la stabilisation en République démocratique du Congo et Haut-Commissariat aux droits de l'homme, «Avancées et obstacles dans la lutte contre l'impunité des violences sexuelles en République démocratique du Congo», avril 2014; и Haut-Commissariat aux droits de l'homme, *Rapport du Panel à la Haut-Commissaire aux droits de l'homme sur les moyens de recours et de réparation pour les victimes de violences sexuelles en République démocratique du Congo*, mars 2011.

²⁴ *Ньяя против Непала*, п. 7.3.

²⁵ *X. против Тимора-Лешти* (CEDAW/C/69/D/88/2015), п. 6.7.

Приложение I

[Язык оригинала: английский]

Совместное (согласное) мнение членов Комитета Арифа Балкана и Элен Тигруджи

1. Мы согласны с мнением большинства о том, что факты в настоящем сообщении свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 7 и 14, рассматриваемых отдельно и в совокупности со статьей 2 (п. 3), а также статей 3 и 26 Пакта. Основной темой рассматриваемого сообщения и элементом, занимающим центральное место в выводах Комитета по каждому из затронутых прав, является подотчетность государства. Выявляя нарушения в каждом случае, Комитет в своих рассуждениях показывает, как отсутствие обеспечения правоприменения способствует безнаказанности, которая, в свою очередь, означает игнорирование имевшего место существенного нарушения прав. Право жертвы не будет полностью соблюдено, пока не будет завершен весь процесс расследования, судебного преследования и наказания/возмещения ущерба; когда этот процесс прерывается или пресекается (даже если это происходит на заключительной стадии) подотчетность в отношении данного нарушения является «умозрительной» (п. 6.3)¹.

2. Однако мы ожидаем возможных вопросов относительно признания Комитетом исходя из имеющихся фактов нарушения статьи 26 на основании довода о том, что авторы не доказали, что жертвы из числа мужчин получали компенсацию в результате разбирательств в национальных судах, а жертвы из числа женщин такой компенсации не получали. Действительно, традиционный подход к рассмотрению жалоб по статье 26 основывается на сравнении лиц, находящихся в аналогичном положении², при этом признание дискриминации возможно только в том случае, если любое различие в обращении не основано на «разумных и объективных» критериях³. Определение характеризующегося аналогичным положением сравнительного элемента является неотъемлемым аспектом этого анализа, и при определении наличия этого элемента Комитет полагается на оценку национальных судов⁴. Однако мы считаем, что правовые нормы недискриминации не застыли в этих ограничительных рамках, и в нашем совместном мнении рассматривается более широкая трактовка равенства, которая была бы явно применима в контексте настоящего сообщения. При этом мы отмечаем, что, как показывает быстро развивающаяся правовая практика Комитета и его недавно опубликованные замечания общего порядка⁵, наиболее осмысленный подход к толкованию Пакта как глобального договора в области прав человека — это подход, основанный на динамизме, учете эволюции данной темы и внимании к тем изменениям, которые происходят в других международных органах.

3. Международное право прав человека критикуют за патриархальность из-за его общей направленности на интересы мужчин⁶, и эта оценка весьма актуальна на фоне формальных подходов к дискриминации по признаку пола, которые предполагают, что для целей сравнения обязательно необходимо выявить находящегося в аналогичном положении мужчину, к которому относятся более благосклонно. Очевидно, что при таком условии за отправную точку используется мужской стандарт⁷. В случае

¹ Если не указано иное, номера пунктов в скобках относятся к Соображениям Комитета, к которым прилагается настоящее совместное мнение.

² William A. Schabas, *UN International Covenant on Civil and Political Rights: Nowak's CCPR Commentary* (N.P. Engel, 2019), 3rd ed.

³ Замечание общего порядка № 18 (1989), п. 13.

⁴ *Кастель-Руис и др. против Испании* (CCPR/C/86/D/1164/2003), п. 7.2.

⁵ См. замечания общего порядка № 36 (2018) и № 37 (2020).

⁶ Alice Edwards, "Violence against women as sex discrimination: judging the jurisprudence of the United Nations human rights treaty bodies", in *Equality and Non-Discrimination under International Law*, Stephanie Farrior, ed. (London, Routledge, 2017).

⁷ Ibid.

отсутствия сопоставимого мужского эквивалента императивность такого подхода затрудняет возможность признать и устранить то специфическое предубеждение, которому подвергается женщина по гендерному признаку.

4. Бесплезность чисто формального анализа дискриминации, особенно в обстоятельствах отсутствия фактической эквивалентности, наглядно иллюстрируется доводом государства-участника в отношении одного из сообщений, когда оно отрицало, что криминализация аборт может быть приравнена к дискриминации по признаку пола, поскольку любое проявление различий в обращении неизбежно является результатом биологических различий между мужчинами и женщинами⁸. Аналогичным образом женщина, подающая жалобу на акушерское насилие, никогда не сможет найти такого мужчину, который позволил бы сравнительным образом доказать неравенство в обращении с ней⁹, а, следовательно, очевидна важность применения к заявлениям о гендерной дискриминации более широкого подхода.

5. Признавая ограниченность формальной модели равенства, одна из влиятельных групп ученых подчеркивает необходимость сосредоточиться на последствиях обращения и учесть факторы социального неблагополучия и/или постоянного социального угнетения. Отмечается «крайне индивидуалистическая» природа формальных определений равенства, в которых не учитываются те неблагоприятные условия, которые связаны с определенным статусом или группой¹⁰. Проблема простого поиска эквивалентности между мужчинами и женщинами заключается в том, что при этом игнорируются структурные различия, изначально обуславливающие неравенство, и закрепляется неблагоприятное положение, связанное с данной группой¹¹. В этой связи используется альтернативная модель, которая основывается на содержательном определении равенства, направленном на достижение перемен, т. е. на устранение социального неблагополучия.

6. Соответствующие различия между формальным и содержательным равенством, рассмотренные выше, хорошо иллюстрируются фактами настоящего сообщения. При формальном анализе проводится сравнение с обращением с жертвами из числа мужчин и, если не будет доказано наличие каких-либо различий, анализ на этом заканчивается, т. е. вопиющим образом игнорируется специфически гендерный характер проблемы насилия в отношении женщин, которую характеризуют как «глобальное явление, с которым сталкиваются женщины и девочки в разные исторические периоды, в разных странах и культурах»¹². Женщины и девочки подвергаются насилию именно потому, что они являются женщинами девочками, и это неблагоприятное положение существует давно, усугубляется общественными установками и систематически игнорируется институциональными структурами¹³. Риск насилия возрастает во время войн и конфликтов, когда на женщин специально нападают как для укрепления господства мужчин, так и для унижения той или иной общины в целом¹⁴. Однако, как показывает настоящее сообщение, реальность такова, что женщины подвергаются опасности не только со стороны враждебных сил, но и со стороны тех, кто призван их защищать¹⁵. По этим причинам в международном праве прав человека насилие в отношении женщин рассматривается как проблема гендерной дискриминации¹⁶.

⁸ *Меллет против Ирландии* (CCPR/C/116/D/2324/2013), п. 4.13. Обратите внимание на критический ответ на этот довод члена Комитета Сары Кливленд в ее особом мнении по этому делу (CCPR/C/116/D/2324/2013, приложение II, п. 6).

⁹ *C.Ф.М. против Испании* (CEDAW/C/75/D/138/2018).

¹⁰ Sandra Fredman, *Discrimination Law*, 2nd ed. (Oxford, Oxford University Press, 2011).

¹¹ Ibid.

¹² Alice Edwards, “Violence against women as sex discrimination”.

¹³ Ibid.

¹⁴ Christine Chinkin, “Rape and sexual abuse of women in international law”, *European Journal of International Law*, vol. 5, No. 3 (1994), pp. 326–341.

¹⁵ Catharine MacKinnon, “Rape, genocide and women’s human rights”, in *Genocide and Human Rights*, Tom Campbell and Mark Lattimer, eds. (London, Routledge, 2007).

¹⁶ Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, общая рекомендация № 19 (1992), п. 7.

7. Существует два аспекта правовой практики по вопросам равенства в связи с насилием в отношении женщин, которые особенно актуальны в данных обстоятельствах, и оба они являются элементами принципа должной заботы. На первый из них обратил внимание Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, который указал на обязанности государств действовать с должной заботой «для расследования актов насилия, наказания виновных и выплаты компенсации» жертвам, в том числе за деяния, совершаемые частными лицами¹⁷. Как отмечалось в деле *Джессика Ленахан (Гонзалес) и др. против Соединенных Штатов Америки* — знаковом деле Межамериканской комиссии по правам человека в области должной заботы, большое значение в международном праве имеет «связь между обязанностью действовать с должной заботой и обязательством государств гарантировать доступ к адекватным и эффективным средствам судебной защиты для жертв и членов их семей, пострадавших от актов насилия». Рассматривая вопросы обеспечения соблюдения стандартов борьбы с дискриминацией по признаку пола, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин демонстрировал, что государственные органы могут подкреплять вредные стереотипы в зависимости от того, как они реагируют на случаи гендерного насилия, что, в свою очередь, может приводить к повторной виктимизации жертв¹⁸. В аналогичных обстоятельствах Межамериканский суд по правам человека квалифицирует пассивность государственных органов как форму «институционального насилия». С точки зрения суда, государство становится «вторым насильником»¹⁹.

8. В рассматриваемом сообщении государство-участник признало изнасилования преступлениями против человечности, а некоторые из виновных были осуждены и заключены в тюрьму. Тем не менее, согласно неоспариваемым фактам, личности более половины вовлеченных солдат не были установлены, а назначенная компенсация так и не была выплачена авторам. Эти сбои означают, что подотчетность была лишь частичной; в контексте таких тяжких преступлений упорный отказ национальных властей выплачивать назначенную компенсацию свидетельствует о социальном неблагополучии и угнетении, которым, будучи женщинами, подвергаются авторы. Как уже объяснялось, атмосфера безнаказанности, которая неизбежно возникает в результате неисполнения судебных решений по делам о насилии, в свою очередь подталкивает к повторению такого поведения или по крайней мере способствует ему. Именно такой в данном деле была точка зрения большинства, которое установило нарушение статей 3 и 26 Пакта, обосновав это тем, что невыплата компенсации усугубила проблему насилия в отношении женщин и их стигматизацию в Демократической Республике Конго.

9. Мы отмечаем, что безнаказанность в этом контексте является острой и хорошо известной проблемой в государстве-участнике. Бывший Специальный докладчик по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях Рашида Манджу — одна из тех, кто отмечает «тревожный уровень» гендерного насилия в Демократической Республике Конго, несмотря на многочисленные законодательные и иные меры²⁰. По признанию одного из сотрудников миротворческих сил Организации Объединенных Наций, в Демократической Республике Конго опаснее быть женщиной, чем солдатом в условиях вооруженного конфликта²¹. Многократные исследования этой ситуации показали, что насилие, которому подвергаются женщины в государстве-участнике, является особенно жестоким (в том числе групповое изнасилование, изнасилование с использованием таких предметов, как штыки, и преднамеренное нанесение сексуальных увечий, например отрезание груди) и что оно совершается государственными и негосударственными вооруженными силами, иностранными

¹⁷ Там же, п. 9.

¹⁸ *X. и Y. против Российской Федерации (CEDAW/C/73/D100/2016)*; и *C.L. против Болгарии (CEDAW/C/73/99/2016)*.

¹⁹ Inter-American Court of Human Rights, *V.R.P., V.P.C. et al. v. Nicaragua*, Judgment of 8 March 2018, paras. 142 and 297.

²⁰ Rashida Manjoo and Calleigh McRaith, “Gender-based violence and justice in conflict and post-conflict areas”, *Cornell International Law Journal*, vol. 44, No. 1 (2011), pp. 11–31.

²¹ *Ibid.*

ополченцами и даже миротворческими силами Организации Объединенных Наций. В 2009 году Генеральный секретарь сообщил, что с 1996 года в Демократической Республике Конго произошло более 200 000 случаев сексуального насилия, причем с учетом занижения данных реальное число случаев оценивалось гораздо выше²². На фоне такой ситуации с сексуальным насилием в отношении женщин в Демократической Республике Конго и с учетом принципов, которые обсуждались в настоящем мнении, упущения государства-участника в отношении авторов, несомненно, являются нарушением принципа должной заботы, которое квалифицируется как дискриминация по гендерному признаку.

10. Вторым аспектом равенства в связи с насилием в отношении женщин является вытекающая из принципа должной заботы ответственность государства за изначальное недопущение насилия²³. Как утверждает Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, основываясь как на своей общей рекомендации № 19 (1992), так и на статье 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, наказать виновных недостаточно; для предотвращения насилия в отношении женщин должны функционировать все аспекты системы уголовного правосудия²⁴. По мнению Комитета:

Если государство-участник не принимает все необходимые меры для предотвращения актов гендерного насилия в отношении женщин в тех случаях, когда его власти знают или должны знать о существовании риска такого насилия, или не проводит расследования, не привлекает к ответственности и не наказывает виновных и не возмещает ущерб жертвам/пострадавшим, то оно тем самым дает молчаливое согласие на совершение актов гендерного насилия в отношении женщин и поощряет их²⁵.

Факты настоящего дела свидетельствуют о том, что государство-участник не выполнило эти требования и не защитило авторов, несмотря на то, что они подвергались повышенному риску, о котором было известно. Такое поведение равносильно отказу от действий с обеспечением должной заботы и, следовательно, представляет собой нарушение обязательства государства-участника не подвергать авторов дискриминации, что противоречит статьям 3 и 26 Пакта.

11. Авторы являлись сельскими женщинами²⁶ и в момент рассматриваемых событий пытались добыть продовольствие в тех деревнях, которые они были вынуждены покинуть, в условиях известной опасности, обусловленной вторжением повстанческих солдат Демократических сил освобождения Руанды. Учитывая, что женщины подвержены пересекающимся факторам уязвимости, государство-участник было обязано проявить к ним повышенную заботу, чтобы защитить их от насилия, но вместо этого они подверглись жестокому обращению со стороны тех самых солдат, которые должны были их защищать. И насилие, и последующее безразличие государства-участника к их требованиям о компенсации являются результатом того неблагоприятного социального положения, в котором они находятся в первую очередь из-за своей гендерной принадлежности. Именно из-за этих проявлений структурного угнетения мы считаем авторов жертвами гендерной дискриминации независимо от того, какую компенсацию от государства-участника могли получить или не получить в соответствующей ситуации мужчины. Таким образом, по нашему мнению, сделанный на основании этих фактов вывод большинства о нарушении статей 3 и 26

²² S/2009/362, п. 12.

²³ Inter-American Court of Human Rights, *Jessica Lenahan (Gonzales) et al. v. United States of America*, para. 126.

²⁴ См. также *Йилдириим против Австрии* (CEDAW/C/39/D/6/2005), п. 12.1.2; и *Гёкче против Австрии* (CEDAW/C/39/D/5/2005).

²⁵ *X. против Тимора-Лешти* (CEDAW/C/69/D/88/2015), п. 6.7.

²⁶ В своей общей рекомендации № 19 (1992) Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин подчеркивает особые риски, с которыми сталкиваются сельские женщины, и рекомендует государствам принимать эффективные меры для борьбы с насилием в отношении таких женщин.

прямо вытекает из сложившихся в отношении равенства международных стандартов прав человека.

Приложение II

[Язык оригинала: английский]

Совместное (частично несогласное) мнение членов Комитета Фуруя Сюити, Фотини Пазардзиса и Васильки Санцин

1. Мы излагаем свою позицию отдельно, поскольку не согласны с подходом Комитета к вопросам приемлемости и нарушения статей 3 и 26 Пакта (см. пп. 5.6 и 6.4)¹.

2. В настоящем сообщении основной вопрос заключается в невыплате компенсации, назначенной национальными судебными органами заявителям (семи женщинам), которые были признаны судами государства-участника жертвами сексуального насилия и преступлений против человечности — преступлений, которые были задокументированы международными органами². Мы согласны с основаниями для вывода о явном нарушении статьи 7, рассматриваемой отдельно и в совокупности со статьей 2 (п. 3) Пакта (п. 6.2). В соответствии с пунктами 15 и 16 замечания общего порядка № 31 (2004) государства-участники обязаны предоставлять возмещение лицам, права которых, признаваемые в Пакте, были нарушены. В отсутствие такого возмещения обязательство обеспечения эффективного средства правовой защиты останется невыполненным. В данном случае очевидно, что отказ государства от выплаты компенсации, назначенной жертвам, не только снижает действенность санкции, но и усугубляет культуру безнаказанности за такие серьезные преступления.

3. Однако нам неясно, почему Комитет, придя к выводу о нарушении статей 7 (и 14), также констатирует нарушение статей 3 и 26. Хотя мы признаем тяжесть совершенных преступлений и продолжающееся воздействие стигматизации и повторной виктимизации из-за невыплаты компенсации жертвам, на наш взгляд, авторы не смогли в достаточной степени объяснить, в чем в данном случае заключается разница в обращении по сравнению с другими жертвами сексуального насилия и преступлений против человечности и в какой степени такая разница обусловлена основанием, которое является недопустимым в соответствии со статьей 26³.

4. Авторы сообщения заявляют о разнице в обращении, подчеркивая особую участь женщин как жертв сексуального насилия и необходимость рассмотрения особого положения женщин. Однако авторы не представили никакой соответствующей информации, указывающей на то, что другие жертвы (включая мужчин и детей) получили надлежащую компенсацию, а авторы — нет⁴. В отсутствие такой информации мы сочли бы эту часть сообщения неприемлемой и считаем, что констатация отдельного нарушения статей 3 и 26 в данном конкретном контексте

¹ Если не указано иное, номера пунктов в скобках относятся к Соображениям Комитета, к которым прилагается настоящее совместное мнение.

² ОНЧР, *Report of the Panel on Remedies and Reparations for Victims of Sexual Violence in the Democratic Republic of Congo to the High Commissioner for Human Rights* (March 2011), ссылка на этот документ содержится в сноске 11 Соображений. URL: <https://www.refworld.org/docid/4d708ae32.html>.

³ См. Замечание общего порядка № 18 (1989).

⁴ ОНЧР, *Report of the Panel on Remedies and Reparations*, пара. 13:

В ДПК имеется определенное число мужчин, ставших жертвами сексуального насилия, и им трудно раскрыть эту информацию и рассказать о том, что с ними произошло. Как и изнасилованные женщины, изнасилованные мужчины страдают от стигматизации, которая может принимать несколько иные формы. Опрошенные группой жертвы из числа мужчин говорили о том, что изнасилование означало для них обращение «как с женой» и что они подвергаются унижению со стороны других лиц за то, что причисляют себя или причисляются другими к группе жертв, практически все из которых являются женщинами.

может послужить неверным сигналом в отношении возмещения, причитающегося всем жертвам серьезных нарушений прав человека.

Приложение III

[Язык оригинала: английский]

Совместное (несогласное) мнение членов Комитета Марсии В. Дж. Кран и Имэру Тэмэрэта Йыгэзу

1. Мы согласны с выводами Комитета о том, что невыплата компенсации авторам как лицам, прямо признанным жертвами сексуального насилия, снижает силу воздействия наказания, создает видимость безнаказанности и делает иллюзорным право на доступ к суду. Это недопустимо, поскольку преступления, совершенные против женщин, включая преступления сексуального насилия, особенно в условиях вооруженного конфликта и постконфликтного переходного периода, представляют собой грубые нарушения прав человека, в связи с которыми должны быть приняты срочные меры, в том числе в плане возмещения ущерба. Следовательно, мы полностью согласны с тем, что факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 7 и 14, рассматриваемых отдельно и в совокупности со статьей 2 (п. 3) Пакта. В более общем плане обеспечение прав женщин является ключом к успешному переходу от периода конфликта и нестабильности к периоду прочной стабильности и управления на основе верховенства права, прав человека и демократии¹.
2. Однако мы не согласны с тем, что жалобы на предполагаемые нарушения статей 3 и 26 Пакта являются приемлемыми.
3. Авторы утверждают, что невыплата компенсации, назначенной им как жертвам сексуального насилия, усугубляет их стигматизацию. Они утверждают, что государство-участник участвовало в их стигматизации и способствовало ей, так как не выполнило своего обязательства по компенсации ущерба, назначенной им Военным судом Южного Киву 7 ноября 2011 года, и что таким образом оно нарушило их право не подвергаться дискриминации в нарушение статей 3 и 26 Пакта.
4. В пункте 7 своего замечания общего порядка № 18 (1989) Комитет разъяснил, что выражение «дискриминация», как оно используется в Пакте, следует понимать как означающее любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, которое основано на признаках расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства и которое имеет целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления всеми лицами на равных началах всех прав и свобод. В пункте 10 того же замечания общего порядка Комитет отметил, что принцип равенства иногда требует, чтобы государства-участники предпринимали активные практические меры с целью сглаживания или устранения условий, которые влекут за собой или же поощряют осуществление дискриминации, запрещенной Пактом. Кроме того, в пункте 30 своего замечания общего порядка № 28 (2000) Комитет указал, что государствам-участникам необходимо рассматривать, каким образом любые проявления дискриминации особо затрагивают женщин.
5. Тем не менее для признания сообщения приемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола оно должно быть надлежащим образом обосновано. Авторы должны доказать *prima facie*, что закрепленное в Пакте право было нарушено².
6. В данном случае авторы не представили никакой информации о том, как невыплата государством-участником компенсации усугубила их собственную стигматизацию в их личных ситуациях. Вместо этого они утверждают, что невыплата

¹ Madeleine Rees and Christine Chinkin, "Exposing the gendered myth of the post-conflict transition: the transformative power of social and economic rights", *New York University International Law and Politics*, vol. 48, No. 4 (2016), pp. 1211–1226.

² A/39/40, A/39/40/Corr.1 и A/39/40/Corr.2, п. 588.

компенсации усугубляет стигматизацию жертв сексуального насилия в целом. Таким образом, отсутствует достаточная информация о том, как стигматизация, с которой столкнулись авторы, усугубилась или закрепилась в результате невыплаты компенсации.

7. Хотя ситуация авторов, несомненно, чрезвычайно тяжелая, для признания жалобы достаточно обоснованной Комитету необходимы конкретные факты относительно рассматриваемого им сообщения. В отсутствие таких фактов, даже признавая тяжелое положение авторов в целом, мы вынуждены прийти к выводу о том, что жалобы по статьям 3 и 26 не были достаточно обоснованы и поэтому являются неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.
